

А. А. Чувпило, Л. А. Чувпило

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В ХАРЬКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: В. И. ШЕРЦЛЬ

В статье рассматривается научно-педагогическая деятельность профессора кафедры сравнительного языкознания Харьковского университета В. И. Шерцля. Этот ученый был одним из наиболее выдающихся ориенталистов своего времени, настоящим полиглотом в области языков Азии и Африки. Работая в Харьковском университете в 1869–1884 гг., он преподавал курсы санскрита, истории литературы и культуры Индии, сравнительного языкознания, знакомил студентов с многочисленными восточными и африканскими языками. Им был издан ряд исследований, в которых В. И. Шерцль показал себя специалистом в области санскритологии, иранистики, синологии, африканистики, истории восточных религий. Однако некоторые планы по развитию востоковедения в Харьковском университете В. И. Шерцлю не удалось реализовать из-за непонимания в университетской среде.

Ключевые слова: Харьковский университет, востоковедение, В. И. Шерцль, восточные языки, санскритология, иранистика, африканистика.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, отметивший свой 210-летний юбилей, в дооктябрьский период был ведущим востоковедческим центром Украины и крупнейшим центром научной ориенталистики в Российской империи. Огромный вклад в развитие Харьковского университетского востоковедения внес выдающийся представитель харьковской школы ориенталистики – В. И. Шерцль, которого по нынешним меркам вполне можно считать гениальным ученым. Между тем его жизнь, деятельность и научное творчество до сих пор еще малоизвестны востоковедческой общественности. В данной статье предпринимается попытка заполнить этот пробел в истории харьковского, украинского и мирового востоковедения.

Викентий Иванович Шерцль, чех по национальности, родился 28 сентября 1843 г. в г. Бороун, недалеко от Праги. Окончив гимназию, он

в 1862 г. поступил на юридический факультет Пражского университета [29, с. 223]. Получив в 1865 г. диплом юриста, Шерцль, однако, не стал работать по специальности. С 16-летнего возраста он активно занимался изучением различных «азиатских и американских» языков, и это увлечение, в конечном счете, взяло верх над юриспруденцией: в 1866 г. Шерцль отправился в Лондон, где больше года провел за изучением восточных языков, прежде всего, индийских, санскрита, китайского и японского [28, с. 529; 29, с. 223]. Последние два языка он изучал у крупнейшего синолога того времени Дж. Соммерса. В 1867 г. Шерцль переехал в Петербург, где ещё в течение года на единственном в Европе факультете восточных языков изучал санскрит и авестийский язык у К. А. Коссовича и персидский (пехлеви), причем у знаменитого российского ориенталиста А. К. Казем-Бека [29, с. 223–224]. К середине 1868 г. уровень подготовки Шерцля позволил ему сдать экзамены по санскриту-персидскому отделению восточного факультета и получить степень кандидата [28, с. 529; 29, с. 224]. После этого он сразу же начал работать над магистерской диссертацией «Личные местоимения в санскритском языке и сродные им формы» [30], которую успешно защитил на диспуте в Петербургском университете 9 мая 1869 г. [15, с. 154; 24, с. 23–24; 25, 1869, с. 191–192]. Вскоре Шерцль официально был утвержден в степени «магистра санскритской словесности», получив ее вторым вслед за выдающимся российским индологом И. П. Минаевым [1, с. 154, прим. 90].

Заботясь о будущем трудоустройстве, Шерцль еще в конце 1868 г. направил ходатайство в Харьковский университет с просьбой рассмотреть его кандидатуру на замещение кафедры сравнительной грамматики индоевропейских языков по получении им магистерской степени [25, 1869, с. 190–191]. Как только в мае 1869 г. уведомление о получении этой степени пришло в Харьков, Совет историко-филологического факультета и Совет университета удовлетворили ходатайство Шерцля, рекомендовав ученого на должность доцента упомянутой кафедры еще до прочтения им двух пробных лекций [25, 1869, с. 192]. 28 мая 1869 г. Шерцль прочитал две пробные лекции по санскритской словесности на восточном факультете Петербургского университета, решив тем самым все формальные затруднения по своему назначению [1, с. 154, прим. 90]. Летом ученый прибыл в Харьков и со 2 сентября 1869 г. стал числиться штатным доцентом по кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков [25, 1869, с. 248].

Привлечение Шерцля на вакантную кафедру явилось крупным успехом историко-филологического факультета. Этот молодой ученый был хорошо знаком не только с санскритом, но и с другими восточными языками. Подтверждением тому служила его магистерская диссертация, в которой использовался материал из санскрита, ведийского, авестийского, персидского, древнееврейского, арабского, татарского, монгольского, японского, турецкого, малайских, африканских, древнеегипетского и финикийского языков [см.: 30]. По словам Д. Н. Овсяннико-Куликовского, который встречался с Шерцлем в 80-е гг. XIX в., этот ученый был подлинным полиглотом в области языкознания, достаточно свободно владея даже китайским и готтентотским языками [18, с. 466]. Обладая такими познаниями, Шерцль легко мог работать в области ориенталистики и компаративистики, превосходя в этом отношении своих коллег из аналогичных кафедр в Москве и Дерпте, которые специализировались лишь в индоиранской области [см.: 9, с. 23–24, 45–46; 38].

Прибыв в Харьков, Шерцль сразу же развернул активную научную деятельность. Уже к концу октября 1869 г. была готова его докторская диссертация «Об именах числительных в индоевропейской отрасли» [31], которую на основании отзыва профессора П. А. Лавровского Совет историко-филологического факультета рекомендовал к печати за счет средств университета [25, 1869, с. 305]. При обсуждении этого вопроса на заседании Совета университета историко-филологический факультет столкнулся с недоброжелательным отношением со стороны профессора политической экономии И. П. Сокальского, который позволил себе оскорбительные выпады в адрес Шерцля и факультета в целом [8, с. 103]. Несмотря на это, «500 руб. для закупки восточных шрифтов» всё же были выделены, и к середине ноября диссертация вышла отдельным изданием [8, с. 115; 25, 1869, с. 103]. В начале 1870 г. Шерцль успешно защитил ее в Московском университете и 4 июля того же года был официально утвержден в степени доктора сравнительного языкознания [14, с. 229, № 290; 23, с. 24]. Совет Харьковского университета в мае 1870 г. избрал Шерцля на должность экстраординарного, а 26 октября 23-мя голосами против 8-ми – на должность ординарного профессора кафедры сравнительной грамматики индоевропейских языков [14, с. 230, № 291; 25, 1870, с. 223, 289–290].

Получив профессорскую должность, Шерцль с еще большей энергией принялся за работу, стремясь при этом использовать любую

возможность для расширения востоковедческой деятельности, возглавляемой им кафедрой. В 1872 г., видимо, желая предупредить конфликт с недоброжелательно настроенными к нему членами Совета, Шерцль направляет прямо в Министерство запрос о возможности предоставления ему пособия для командировки в Лондон с целью подготовки санскрито-русского словаря [26, оп. 120, ед. хр. 784, л. 1–2]. Работу над подобным словарем в 1854–1856 гг. проводил К. А. Коссович, но его труд остался незаконченным [см.: 10, с. 151–152; 13]. Издаваемый Российской академией наук первый в Европе полный санскритский словарь [42] был слишком сложным и объемным для компаративных исследований и университетского преподавания и к тому же выходил на немецком языке. Шерцль намеревался создать словарь, пригодный для использования в университетах, но получил от Министерства отказ со ссылкой на отсутствие средств [26, оп. 120, ед. хр. 784, л. 3–4]. В результате более компактный «краткий академический словарь» вышел из печати только в 1885 г. [43], а первое университетское пособие с санскритским словарем увидело свет лишь в 1891 г. [16], но уже без участия Шерцля.

Потерпев неудачу, Шерцль сразу же задумал еще более внушительный востоковедческий проект. В конце 1872 г. он направил в Министерство прошение о разрешении ему командировки в Китай и Японию для составления китайских и японских грамматик и словарей [26, оп. 147, ед. хр. 642, л. 340–341]. 21 декабря министр сообщил Шерцлю, что не будет препятствовать «испрошению соизволения на командировку» через Совет университета и пообещал содействие в получении необходимых средств из государственного казначейства [26, оп. 147, ед. хр. 642, л. 342–344]. Заручившись такой поддержкой, Шерцль обратился в Совет университета с просьбой «ходатайствовать о разрешении командировки» [25, 1873, с. 51–54; 26, оп. 147, ед. хр. 642, л. 353–358]. Мотивируя свою просьбу, он указывал, что составление пособий по китайскому и японскому языкам, «занимающим одно из первых мест среди языков Азии, как по развитию и значению говорящих на них народов, так и по богатству литературы», крайне необходимо для компаративистики [25, 1873, с. 51–52]. Обращал внимание Шерцль и на практическое значение задуманного им мероприятия, отметив, что в отличие от европейских стран, в России не было качественных китайских и японских грамматик и словарей, а ведь «именно русские, ближайшие соседи Китая и Японии ..., более других нуждаются в пособиях, которые бы обеспечили изучение этих

языков» [25, 1873, с. 52–53]. Чтобы «поставить русскую литературу в этом отношении в независимость от западной», Шерцль намеревался составить теоретические и практические руководства по обоим языкам, которые включали бы в себя грамматики, разговорные части (диалоги), хрестоматии и словари. Для этого он и нуждался в помощи «туземцев», прося предоставить ему двухгодичную командировку в Китай и годичную в Японию [25, 1873, с. 52–55]. Выехать «в путешествие» Шерцль намеревался весной 1874 г., рассчитывая получить на поездку 12000 рублей в дополнение к трехгодичному окладу [25, 1873, с. 55–56].

Факультет и Совет университета 24 января 1873 г. поддержали ходатайство Шерцля, но Министерство, несмотря на все предшествующие обещания, отклонило его, сославшись на нехватку средств [25, 1873, с. 56; 26, оп. 147, ед. хр. 642, л. 363–367]. В итоге Шерцль лишился возможности составить первые в России руководства по китайскому и японскому языкам, а также начать их преподавание в Харькове.

Не добившись осуществления своих проектов, Шерцль стремился максимально применить свои обширные востоковедческие познания в научно-педагогической деятельности. По его словам, в течение 16-ти лет работы в Харьковском университете он преподавал следующие предметы: 1) сравнительная фонетика и словообразование главных индоевропейских языков; 2) деление и характеристика главных отраслей языков; 3) история сравнительного языкознания; 4) санскритская грамматика; 5) перевод и толкование санскритских текстов [29, с. 223–224]. Из «Обзрений преподавания», однако, видно, что в действительности курсы, читаемые Шерцлем, были более разнообразны и нередко выходили за рамки индоевропейской компаративистики. Собственно сравнительную грамматику индоевропейских языков Шерцль преподавал в качестве общего курса только в 1869/70 и 1870/71 уч. годах [17, 1869/1870, с. 4; 1870/1871, с. 2]. С 1871/1872 уч. года он начал читать курс «Общее обозрение главных явлений, относящихся к сравнительному языкознанию» [17, 1871/1872, с. 2; 1872/1873, с. 4], который впоследствии был разделен на две части: «Об общих принципах сравнительного языкознания» и «О разделении и характеристике главных отраслей языков» [17, 1873/1874, с. 4; 1874/1875, с. 4; 1877/1878, с. 4; 1878/1879, с. 2; 1881/1882, с. 4; 1882/1883, с. 4]. Вторая часть этого курса широко включала в себя востоковедческий материал. К этому предмету иногда присоединялись дополнительные исторические курсы,

имевшие прямое отношение к востоковедению: «Об образовании письма» [17, 1873/1874, с. 4] и «Об основных началах индоевропейской образованности» [17, 1874/1875, с. 4].

Специальный курс Шерцль читал студентам славяно-русского и классического отделений на третьем-четвертом году обучения. Он получил название «Специальный курс сравнительной грамматики индоевропейских языков» [17, 1872/73, с. 6–7] и включал в себя два раздела: «Сравнительное образование форм и слов в индоевропейской отрасли» [17, 1870/1871, с. 2; 1871/1872, с. 4–5] и «Сравнительная фонетика» [17, 1874/1875, с. 4; 1877/1878, с. 6–7; 1881/1882, с. 7]. Именно в рамках этого курса читались такие востоковедческие предметы: «Особенности санскритской грамматики» и «О формах языков индоевропейского племени в связи со звуковым организмом древнеиндийского языка» [17, 1873/1874, с. 7; 1874/1875, с. 7]. Это, однако, не означает, что в других курсах индийским языкам уделялось мало внимания, а их изучение не выходило за пределы компаративистики. На практических занятиях студенты под руководством Шерцля занимались исключительно «переводами разных статей с санскрита на русский язык и наоборот» и «производили сравнительный разбор всех встречающихся в них корней, слов и форм» [21, с. 42–43]. Более того, как показывает отчет о занятиях студента А. В. Попова, слушатели Шерцля получали основательные познания не только в санскрите, но и ведийском и авестийском языках [21, с. 43–44].

В 1871–1873 гг. из-за отсутствия в университете преподавателя по кафедре славянских наречий Шерцлю пришлось также читать различные курсы по славяноведению [17, 1871/1872, с. 2–4; 1872/1873, с. 4–6]. Он отнесся к этому поручению с полной ответственностью и сумел использовать славяноведческий материал с пользой для себя, подготовив за эти годы фундаментальную работу «Сравнительная грамматика славянских и других родственных языков» [32]. Однако чтение дополнительного предмета отнимало у Шерцля слишком много времени, затрудняя его работу в рамках основной специальности. Возможно поэтому в 1871 г. он поддержал на заседании Совета факультета прошение молодого и тогда еще малоизвестного филолога-компаративиста и славяноведа И. А. Бодуэна-де-Куртене о замещении должности доцента по кафедрам славянских наречий или сравнительного языкознания [25, 1871, с. 295–296]. Примечательно, что Шерцль, отмечая несомненные достоинства Бодуэна-де-Куртене как ученого-филолога, рекомендовал факультету избрать его доцентом

«в помощь себе», то есть по кафедре сравнительной грамматики, а не славяноведения [25, 1871, с. 295]. Факультет поддержал избрание молодого специалиста пятью голосами против одного, но в Совете университета кандидатура была отклонена подавляющим большинством голосов – 22 против 10 [8, с. 108; 25, 1871, с. 296–297]. Причины этого отклонения неизвестны [8, с. 108], но можно предположить, что в данной ситуации вновь сыграли свою роль недоброжелатели Шерцля и историко-филологического факультета из числа членов Совета. В результате университет упустил возможность привлечь на кафедру сравнительного языкознания одного из наиболее выдающихся российских ученых-языковедов. Что же касается Шерцля, то он избавился от нагрузки по кафедре славянских наречий только с приходом в университет в 1873 г. М. С. Дринова.

Сосредоточившись на своей основной специальности, Шерцль получил возможность больше внимания уделять написанию научных трудов и пособий. Некоторые из них впервые увидели свет в «Приложениях к Протоколам заседаний Совета», другие – в воронежском журнале «Филологические записки» или в «Православном обозрении», но все они выходили и отдельными изданиями. Чисто востоковедческий характер из этих работ имели только две: «Санскритская грамматика» [36] и «Синтаксис древнеиндийского языка» [37]. Остальные были посвящены общим проблемам сравнительного языкознания, хотя и содержали обширный востоковедческий материал.

Вышедшая в 1873 г. «Санскритская грамматика» была первым русскоязычным пособием по санскриту, изданным в Российской империи [11, с. 43–44], однако историки санскритологии, как правило, не обращают внимания на этот факт. «Грамматика» должна была помочь студентам в освоении курса санскрита, так как ранее они пользовались устаревшей немецкой грамматикой Ф. Боппа [45] или более новой, но менее доступной, – Т. Бенфея [41]. Видимо, не случайно, Шерцль впервые официально объявил в «Обзрении» курс санскритской грамматики как отдельный предмет именно в 1873 г. [17, 1873/1874, с. 7]. В качестве основного русскоязычного пособия по санскриту этой работой Шерцля активно пользовались до начала 90-х гг. XIX в. в Харьковском, Одесском, Киевском, а иногда и в других университетах, пока в широкое употребление не вошло универсальное пособие В. Ф. Миллера и Р. И. Кнауэра [16].

Сам Шерцль видел в своей «Грамматике» не просто университетский учебник, а первую часть фундаментального труда, который, по

замыслу автора, призван был представить в сжатом виде все существующие особенности санскритского языка. Вторую часть должен был составить труд по синтаксису санскрита, и не исключено, что санскритский словарь, над которым Шерцль намеревался работать в Лондоне, был задуман как заключительная часть пособия, как это было у Миллера и Кнауэра.

Состояла «Санскритская грамматика» из трех разделов: «Письмо» (написание, произношение и соединение букв) [36, с. 1–4], «Фонетические правила и особенности» [36, с. 5–17] и "Части речи" [36, с. 17–123]. В первом разделе санскритские слова были напечатаны шрифтом деванагари, закупленным университетом в 1869 г., что сильно отличало пособие Шерцля от большинства сочинений подобного рода, где была приведена только латинская транскрипция. Что же касается лингвистического материала, то он был взят Шерцлем не только из знаменитой грамматики Панини и других классических санскритских грамматик, но и из многочисленных произведений санскритской и ведийской литературы. В этом отношении грамматика Шерцля была значительно ближе к «живому» древнеиндийскому языку, чем, например, грамматика Боппа, построенная на труде Панини, а также на основе лучшей в те годы грамматики Бенфея.

Вышедшая в 1883 г. первая часть «Синтаксиса древнеиндийского языка» изначально была задумана как обещанное продолжение «Грамматики». Однако в ходе работы над этим сочинением Шерцль, видимо, несколько расширил и изменил первоначальную концепцию и в конечном итоге «Синтаксис» превратился в значительно более фундаментальный научный труд, чем можно было ожидать. Это выразилось, прежде всего, в том, что Шерцль счел необходимым окончательно отойти от индийской грамматической традиции и всецело обратиться к синтаксису «живого» древнеиндийского языка. По словам ученого, он стремился проанализировать синтаксис основных памятников «как ведаической, так и классической эпохи», уделяя при этом основное внимание ведическому языку, но с одинаковой тщательностью анализируя и «позднейший» санскритский материал [37, с. 1–2]. От «сравнительных приёмов» Шерцль старался воздерживаться, так как, по его мнению, только «при формальной фиксированной грамматике» в языке можно выделить «соединительные звенья между древней и классической речью, чуждые живым литературным памятникам» [37, с. 2]. Стремясь выявить «сущность, место и значение» синтаксических

конструкцій последовательно в памятниках каждого периода, Шерцль рассмотрел сотни древнеиндийских произведений, от наиболее ранних гимнов Ригведы до драм Калидасы, и только один их реестр занимал в конце книги пять страниц [37, с. 361–365]. При этом ученый рассмотрел только три синтаксические категории, а именно: употребление чисел, согласование частей речи между собой и употребление падежей, предполагая обратиться к остальным категориям во втором томе, который, к сожалению, так и не был издан. Несмотря на такое ограничение материала, работа Шерцля имела большое значение для развития санскритологии в России, поскольку была первым русскоязычным синтаксическим исследованием древнеиндийского языка [44, р. 101]. Более того, эта книга вышла за пять лет до издания «Древнеиндийского синтаксиса» Б. Дельбрюка [46] – первой обобщающей работы по этой теме в европейской науке. В целом основные положения, высказанные Шерцлем, сохраняют свое значение и до сих пор, а собранный им синтаксический материал настолько значителен, что представляет огромную ценность для всех современных исследователей [44, р. 101].

Востоковедческие познания Шерцля нашли свое отражение и во всех его трудах по сравнительному языкознанию. Даже в двухтомной «Сравнительной грамматике славянских и других родственных языков» [32] содержится масса примеров из самых разных языков народов Азии, Африки и Океании. С их помощью ученый стремился выявить параллели в способах словообразования между славянскими, индоевропейскими и неиндоевропейскими, в том числе и «примитивными» языками. На существование этих параллелей Шерцль первым обратил внимание среди российских ученых, причем собранный им по этой теме материал до сих пор в полной мере еще не проанализирован [см.: 2, с. 296]. Особенно широко представлен востоковедческий материал в работах Шерцля «О словах с противоположными значениями» [35] и «Название цветов и символическое значение их» [33], а также в его докторской диссертации «Об именах числительных» [31]. Последние два труда выходят за рамки филологических работ, приближаясь к сравнительно-этнографическому исследованию, поскольку здесь Шерцль говорит уже не только о данных языка, но и о культурных традициях многочисленных азиатских и африканских народов. При этом он остается полностью чужд всякого уничижительного отношения к культуре «примитивных народов» и неоднократно

прибегает к разоблачению популярных в те годы в европейской литературе расистских теорий, например, о врожденном неумении бушменов и других «отсталых» африканских народов оперировать с большими числами или различать всю цветовую гамму, доступную европейцу.

Во всех перечисленных работах Шерцль проявил исключительные познания в самых различных азиатских языках – индийских, фарси, арабском, турецком, курдском, якутском, китайском, японском, корейском, айнском, тайском, тибетском, малайских и др. Однако ещё большее впечатление производят его познания в плохо изученных в то время африканских языках. Работы Шерцля опровергают мнение Д. А. Ольдерогге о том, что в России до начала XX в. никто из языковедов-компаративистов не занимался серьёзным изучением языков народов, живущих южнее Сахары [19, с. 25; 20, с. 14]. В трудах Шерцля, о котором Ольдерогге, возможно, ничего не знал, содержится значительный материал из таких языков, как готтентотский (нама и дамарра), кафрский, занде, фульбе, суахили, йоруба, борну, манде, банту, зулусский, мальгашский и др. При этом ученый не просто заимствовал африканские слова из работ западных филологов, но активнейшим образом оперировал африканским грамматическим и лексическим материалом в сравнительных исследованиях, пытаясь, зачастую, восстановить процесс развития и самих этих языков. Аналогов столь вольному владению африканскими языками в дореволюционной России найти действительно невозможно.

Материал «примитивных» и «односложных» языков народов Азии и Африки использовался Шерцлем прежде всего для восстановления общей эволюции языка в древнейший «первобытный» период. Эта методология не раз подвергалась критике за отсутствие четкого исторического подхода к истолкованию разновременных «речевых фактов» [2, с. 297–298; 12, с. 22–25]. Однако никто из критиков Шерцля не обратил внимание на одно объективное достоинство его работ: сопоставляя факты «примитивных» языков с индоевропейскими и семитскими, ученый никогда не заострял внимание на грамматике и морфологии, стремясь проводить параллели преимущественно в семантическом развитии слов и форм. В то же время в российской восточной компаративистике тех лет имели место тенденции именно к грамматическому сопоставлению таких языков, как индоевропейские и китайский, имевшие целью доказать общность их происхождения [см.: 4; 5; 7]. К таким сопоставлениям Шерцль

относился более чем осторожно, поскольку прекрасно владел теорией сравнительного языкознания. Он стремился выявить сходные этапы в развитии различных языков не для того, чтобы восстановить единый «праязык» человечества, а с целью изучать язык как целостный «антропологический феномен», как «рефлекс человеческого духа».

Руководствуясь таким подходом, в одной из своих последних работ харьковского периода Шерцль обратился к истории религии и мифологии, которые, по его мнению, также представляли собой «рефлекс человеческого духа», аналогичный языку. Эта практически неизвестная современным исследователям работа носила название «Начала религии и следы монотеизма в язычестве» [34]. Поставив себе целью связать в единое целое религиозные представления «примитивных» и древних культурных народов и выявить их влияние на мировые религии, Шерцль проанализировал очень значительный этнографический, религиоведческий и филологический материал и изложил историю древних верований в духе анимистической теории Э. Тейлора и мифологических концепций М. Мюллера. Собственно востоковедческий материал представлен в этом исследовании довольно широко. Наряду с верованиями готтентотов, малайцев, айнов, андаманцев, тасманийцев и других «примитивных» народов, ученый анализирует древнекитайскую религию, ведаизм и маздеизм, приводя при этом собственные переводы из Ригведы и Авесты [34, с. 48–70]. В интерпретации ведийских ритуалов Шерцль следует в основном Мюллеру, в частности, его теории генотеизма. Некоторые исследователи поддерживают эту теорию даже сейчас [27, с. 275–277; 40, с. 85–87]. Во времена Шерцля она была одной из наиболее передовых в сравнительной мифологии, как и теория Тейлора, что придавало всему исследованию современный характер на фоне других российских работ такого рода.

Таким образом, Шерцль был оригинальным и разносторонним ученым-востоковедом, интересы которого распространялись далеко за пределы сравнительного языкознания, охватывая индологию, африканистику, синологию, историю восточных религий, этнографию народов Азии и Африки. В каждой из этих областей он сумел достигнуть значительных успехов, а в ряде случаев даже выступил новатором общероссийского масштаба. Глубоко ошибочным является мнение некоторых ученых, которые видят в Шерцле не выдающегося исследователя, а всего лишь обыкновенного последователя российских санскритологов-традиционалистов П. Я. Петрова и К. А. Коссовича [3,

с. 153; 10, с. 154–155; 38, с. 146; 39, с. 23–48]. Возражая им, заметим, что Шерцль – неординарная и на редкость самобытная фигура в истории российского востоковедения, по современным меркам гениальный ученый-полиглот, с которым по широте и разнообразию научной и педагогической деятельности не мог сравниться ни один из российских профессоров сравнительного языкознания тех лет. Несомненно, что Шерцль далеко не в полной мере смог реализовать в Харькове свой востоковедческий научный потенциал, поскольку многие его начинания встречали активное сопротивление как внутри университета, так и в Министерстве. При более благоприятных условиях Шерцль, вне всякого сомнения, достиг бы ещё более выдающихся результатов, войдя в число ведущих востоковедов мира. Но что касается его заслуг перед Харьковским университетом, то их невозможно переоценить. Ведь только Шерцлю удалось возродить здесь преподавание восточных языков и поставить харьковскую ориенталистику в последней трети XIX в. на подлинно научный уровень.

Деятельность Шерцля в Харьковском университете закончилась в 1884 г., когда он по приглашению П. А. Лавровского перешел на кафедру сравнительного языкознания Новороссийского университета [29, с. 224]. Здесь он проработал до 1896 г., после чего вышел в отставку по болезни [26, оп. 159, ед. хр. 1057, л. 129–136]. Скончался Шерцль в Одессе в 1905 г.

-
-
1. Бартольд В. В. Обзор деятельности факультета восточных языков, с приложением обзора истории востоковедения в России до 1855 г. / В. В. Бартольд // Бартольд В. В. Сочинения : в 9 т. – М., 1977. – Т. 9. – С. 23–196.
  2. Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды: Библиографический словарь / М. Г. Булахов. В 3-х т. – Минск, 1976. – Т. 1. – 320 с.
  3. Валеев Р. М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.) / Р. М. Валеев. – Казань, 1998. – 378 с.
  4. Васильев В. П. Об отношении китайского языка к среднеазиатским / В. П. Васильев // ЖМНП. – 1872. – Ч. 163. – № 5. – С. 82–124.
  5. Васильев В. П. Очерк истории китайской литературы / В. П. Васильев // Всеобщая история литературы. – СПб., 1880. – Т. 1. – С. 426–588.
  6. Востоковедные центры в СССР : в 2 ч. – М., 1980. – Ч. 1: Армения, Грузия, Азербайджан, Украина. – 248 с.

7. Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования / В. В. Григорьев. – СПб., 1870. – 350 с.
8. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багалая. – Харьков, 1908. – Ч. 1 : Халанский М. Г. Опыт истории историко-филологического факультета Харьковского университета. – 168 с.
9. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. – М., 1997. – 536 с.
10. Кальянов В. И. Изучение санскрита в России / В. И. Кальянов // УЗЛГУ. – 1962. – № 304: Серия востоковедческих наук. – Вып. 14. – С. 140–167.
11. Ковалівський А. П. Вивчення Сходу в Харківському університеті та Харкові у XVIII–XX віках / А. П. Ковалівський // Антологія літератур Сходу. – Харків, 1961. – С. 9–122.
12. Колосов М. А. Заметки о звуках русского и старославянского языков / М. А. Колосов // ФЗ. – 1872. – Вып. 4. – С. 1–29. – Рец. на : Шерцль В. И. Сравнительная грамматика славянских и других родственных языков. Ч. 1 : Фонетика. – Харьков, 1871.
13. Коссович К. А. Санскритско-русский словарь : в 3 ч. / К. А. Коссович. – СПб., 1854–1856. – Ч. 1–3.
14. Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.) / А. М. Куликова. – СПб., 1993. – 448 с.
15. Материалы для истории факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета : в 5-ти т. – СПб., 1905. – Т. 1. – 305 с.
16. Миллер В. Ф. Руководство к изучению санскрита (грамматика, тексты, словарь) / В. Ф. Миллер, Р. И. Кнауэр. – СПб., 1891. – 289 с.
17. Обозрение преподавания предметов в Императорском Харьковском университете на 1847–1848 ... 1883–1884 уч. год. – Харьков, 1847–1883.
18. Овсянико-Куликовский Д. Н. Воспоминания / Д. Н. Овсянико-Куликовский // Овсянико-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы : в 2-х т. – М., 1989. – Т. 2. – С. 306–486.
19. Ольдерогге Д. А. Изучение африканских языков в России / Д. А. Ольдерогге // Изучение Африки в России (дореволюционный период). – М., 1977. – С. 16–29.
20. Ольдерогге Д. А. История изучения в России африканских языков / Д. А. Ольдерогге // Из культурного наследия народов Америки и Африки. – Л., 1975. – С. 23–46.
21. Отчет о состоянии и деятельности имп. Харьковского университета за 1877 г. / сост. комиссией, назнач. Советом университета из профессоров Степанова, Шерцля, Таттебергера и Кузнецова. – Харьков, 1878. – 84 с.

22. Отчет о состоянии и деятельности имп. Харьковского университета за 1878 г. – Харьков, 1879. – 90 с.
23. Приказы и распоряжения по Министерству народного просвещения // ЖМНП. – 1870. – № 4. – Отд. № 1. – С. 12-44.
24. Протоколы заседаний Совета Имп. Санкт-Петербургского университета. – СПб., 1870–1871. – 124 с.
25. Протоколы заседаний Совета имп. Харьковского университета и приложения к ним. – Харьков, 1863–1873.
26. Российский государственный исторический архив. Ф. 733: Департамент народного просвещения.
27. Токарев С. А. Религия в истории народов мира / С. А. Токарев. – М., 1986. – 575 с.
28. Шерцль В. И. // ЭСБЕ. – 1903. – Т. 78. – С. 529.
29. Шерцль В. И. [Автобиография] / В. И. Шерцль // Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). – Харьков, 1908. – Ч. 2: Биографический словарь профессоров и преподавателей. – С. 223–224.
30. Шерцль В. И. Личные местоимения в санскритском языке и сродные им формы / В. И. Шерцль. – СПб., 1869. – 114 с.
31. Шерцль В. И. Об именах числительных в индоевропейской отрасли, их развитии и отношении к числительным других отраслей / В. И. Шерцль. – Харьков, 1870. – 178 с.
32. Шерцль В. И. Сравнительная грамматика славянских и других родственных языков : в 2-х ч. / В. И. Шерцль. – Харьков, 1871–1873. – Ч. 1: Фонетика. – 1871. – 680 с.; Ч. 2: Словообразование. – 1873. – 694 с.
33. Шерцль В. И. Название цветов и символическое значение их / В. И. Шерцль // ФЗ. – 1884. – Вып. 6. – С.2-65.
34. Шерцль В. И. Начала религии и следы монотеизма в язычестве / В. И. Шерцль. – Харьков, 1884. – 72 с.
35. Шерцль В. И. О словах с противоположными значениями (о так называемой энантиосемии) / В. И. Шерцль. – Воронеж, 1884. – 88 с.
36. Шерцль В. И. Санскритская грамматика / В. И. Шерцль. Ч. 1. – Харьков, 1873. – 123 с.
37. Шерцль В. И. Синтаксис древнеиндийского языка. I : О согласовании частей речи, об употреблении чисел и падежей / В. И. Шерцль. – Харьков, 1883. – 369 с.
38. Шофман А. С. Русский санскритолог П. Я. Петров / А. С. Шофман // Очерки по истории русского востоковедения. – М., 1960. – Сб. 3. – С. 142-156.

39. Шофман А. С. К. А. Коссович как востоковед / А. С. Шофман // Очерки по истории русского востоковедения. – М., 1963. – Сб. 6. – С. 23-48.
40. Эрман В. Г. Очерк истории ведийской литературы / В. Г. Эрман. – М., 1980. – 231 с.
41. Benfey T. Die Grammatik der Sanskrit-Sprache / T. Benfey. – Berlin, 1890. – 381 s.
42. Böhtlingk O., Roth R. Sanskrit-Wörterbuch / O. Böhtlingk, R. Roth. – SPb., 1852–1875. – Bd. 1–9.
43. Böhtlingk O. Sanskrit-Wörterbuch in kurzerer Fassung / O. Böhtlingk. – SPb., 1878–1889. – Bd. 1–7.
44. Bongard-Levin G. The Image of India: The Study of Ancient Indian Civilization in the USSR / G. Bongard-Levin, A. Vigasin. – М., 1984. – 344 p.
45. Bopp F. Kritische Grammatik der Sanskrit-Sprache in kurzerer Fassung / F. Bopp. – Berlin, 1868. – 479 s.
46. Delbruck B. Altindische Syntax / B. Delbruck. – Halle, 1888. – 643 s.

Чуепило О. О., Чуепило Л. О. Із історії сходознавства в Харківському університеті: В. І. Шерць

У статті розглядається науково-педагогічна діяльність професора кафедри порівняльного мовознавства Харківського університету В. І. Шерця. Цей вчений був одним із найвидатніших орієнталістів свого часу, справжнім поліглотом у галузі мов Азії та Африки. Працюючи в Харківському університеті у 1869–1884 рр., він викладає курси санскриту, історії літератури і культури Індії, порівняльного мовознавства, знайомив студентів із численними східними та африканськими мовами. Ним було видано низку досліджень, в яких В. І. Шерць показав себе фахівцем у галузях санскритології, іраністики, синології, африканістики, історії східних релігій. Проте деякі задуми щодо розвитку сходознавства в Харківському університеті В. І. Шерця не вдалося реалізувати через несприйняття університетським середовищем.

Ключові слова: Харківський університет, сходознавство, В. І. Шерць, східні мови, санскритологія, іраністика, африканістика.

Chuvpylo O. O., Chuvpylo L. O. From the History of Oriental Studies at Kharkiv University: V. I. Schertzl

The article describes the research and educational activities of V. I. Schertzl – professor of comparative linguistics at Kharkiv University. This scholar was one of the most eminent Orientalists of his time, a true polyglot of languages of Asia and Africa. Working at Kharkiv University in 1869–1884, he gave courses of Sanskrit, literary history and culture of India, comparative linguistics, introduced students to many Oriental and African languages. He issued a series of studies, in which showed himself as an expert in Sanskrit, Iranian Studies, Sinology, African studies, History of Eastern religions. However, some plans of V. I. Schertzl for the development of Oriental Studies at Kharkiv University were never realized due to misunderstanding in the university environment.

Keywords: *Kharkiv University, Oriental Studies, V. I. Schertzl, oriental languages, Sanskrit, Iranian Studies, African Studies.*